ЧИСЛО 6. Львовъ 21. Лютого 1857. РОКЪ X.

Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4зр. 40кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвртр. 1 злр. 10 кр. на мѣсци 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА.

Предплату отбираевъ бюрѣ дирекціи книгопечатной Институ-та Ставропигіянского М. Дзѣковскій.

ПИСЬМО ПОСВАЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ ЗАБАВѢ И ГОСПОДАРСТВУ

МАЧИХА.

(конець)

За часинкꙋ послѣ того розговора госп. Игнатій ꙗвилсѧ съ дѣтьми своими оу порога своеи нареченои. Дѣти имѣли заплаканны очи, ибо панна Юзефа необыкновенною плавностью ꙗзыка оубѣдила ихъ, що идꙋтъ къ мачисѣ, безсомнѣнно рѣшитсѧ на первый видъ ихъ, ꙗкъ на бꙋдꙋщность съ ними собѣ заходити. Не занехала также набесѣдити дѣтамъ, що мачиха въ первый разъ воспріимле ихъ ꙗкъ найпріꙗтнѣйше. Но поминꙋвши все тое велѣла имъ, дабы ей дали оурозꙋмѣти, що и на волосъ ей не страхаютсѧ. Наречена госп. Игнатіѧ съ нетерпѣливостію ожидала гостей, съ которыми за малое времѧ ей такъ кꙋпно полꙋчитисѧ подобылось. На первый глипъ оузрѣвши ихъ сквозь окно, выбѣгла на сопротивъ до сѣней и оутꙋлѧючи дѣти, рекла чꙋвствительно:

— Милꙋйте мене дѣточки мои, а ꙗ вамъ соотвѣтно бꙋдꙋ отъ всего сердца, ꙗкъ родная матерь.

— Не больше ꙗкъ лише мачихою бꙋдешь намъ, воркнꙋла дѣвочка, поглѧнꙋвши небачно на брата.

Тіи слова глꙋбоко тронꙋли чꙋвствительнꙋ невѣстꙋ. Произнесенны слова оустами дѣтины, сдѣлали они великое впечатлѣніе.

— Такъ! ничъ лише мачихою, повторила за хвилю, но доброю и благожелательною мачихою. Но по чимъ такъ страхаешъ сѧ мачихи моѧ Аделе!

— Нѣтъ, ꙗ не желаю имѣти мачихꙋ, воскрикнꙋла Аделѧ, оубѣгаючи съ недовольствіемъ изъ рꙋкъ пригортающихъ ею.

— Що же тебе ꙗлосѧ, отозвалсѧ строго отець. Ктожъ обꙋчилъ тебе такъ? Стыдайсѧ Аделе; тревожишъ матерь, закимъ еще перешла пороги дома нашого. Смотри но, Антось скромнѣйшій отъ тебе.

— О и онъ не желае мачихи, прибавилъ заворшенный хлопчина.

Господинъ Игнатій запыталъ отъ гнѣва, но бꙋдꙋщаѧ жена спѣшно залагодила его.

— Оставъ ихъ! рекла лагодно. Имъ по головѣ маѧчитсѧ мачиха такаѧ, ꙗкꙋю описывали имъ въ жестокихъ розказахъ нѧньки. Оуже они пресвѣдчатсѧ съ временемъ, що и мачиха може заслꙋжити собѣ на милость и почтеніе.

Госп. Игнатій не отвѣтилъ ничъ на тое. Но оузрѣвши ꙗкое впечалѣніе таковое обѧвленіе дѣтей сдѣлало на чꙋвствіе его нареченои, отвелъ ихъ сей часъ домовъ.

Въ четыре тыжднѣ познѣйше весѣлье отправилосѧ. Панна Юзефа оставила домъ

сей часъ въ день слюба. Ôтходѧчи спращалась чꙋвствительно съ дѣтьми, они же пристроенны въ свѧточны свиты, играли передъ домомъ.

— Бѣдни дѣти! вы полꙋчили мачихꙋ; начне васъ голодомъ морити, сей часъ извѣстите менѣ, а ꙗ недамъ вамъ пропасти.

Дѣти начали жалостно рыдати. Во внꙋтрїю до пôзного вечера безпрерывно сꙋществовала веселôсть. Гостѣ хорошо забавлѧлись, мꙋзыка програвала ôтъ сердца, только однаѧ молода казалась засмꙋченною и задꙋманною. Желала самаѧ покласти дѣти въ постель, но тїи съ крикомъ и плачемъ даже приствпити ѣй не призволили. Съ глꙋбокимъ смꙋткомъ вернꙋвшись въ общество, не говорила ничъ никомꙋ. Весь дôмъ, въ которôмъ отселѣ нꙋжно было пребывати, ꙗвилсѧ ѣй чꙋжїй.

Небакко приꙋвѣдчиласѧ бѣднаѧ мачиха, ꙗкъ истинны были еще передъ слюбомъ еи предчꙋвствїѧ и обавы. Новое становище еи, тысѧчи трꙋдностей принꙋждало побѣдити.

Матерь первои жены госп. Игнатїѧ обитала при тôй самôй оулици и всегда великое влїѧнїе имѣла. И теперь гꙋсто летала она въ его дôмъ и мѣшаласѧ безпрерывно во внꙋтренное завѣдованїе. Новаѧ газдинѧ по скромности и лагôдности своей, принимала съ благодарностїю и послѣдованїемъ еи совѣты. Нꙋждалась всѣми силами позыскати любовь и довѣрїе дѣтей, но тое найтрꙋднѣйше становилось. Воспитанїе дѣтей было дꙋже занеханное. Избыточнымъ поблаганїемъ панны Юзефи и безпрерывнымъ пещенїемъ бабки сдѣлались они оупертыми. Нꙋжно было выкоренити начало злого. Когда мачиха мѣсто лагодныхъ средствъ начала оупотреблѧти строгихъ, дѣти съ плачемъ летали до бабки. Даромъ относиласѧ мачиха къ помощи мꙋжа. Ꙗко человѣкъ слабого характера не зналъ онъ рѣшитисѧ къ чомꙋсь постоѧнномꙋ. Томꙋ принꙋжденна была она самаѧ боротись съ трꙋдностьми. „Смотрѣте, говорили сꙋсѣды: Начинае она оуже объѧвлѧти себе, когда лишъ въ домѣ оукрѣпиласѧ” Такїи и много иныхъ рѣчей голосили сꙋсѣды, болѣючи надъ несчастїемъ сирôтъ а клеветаючи на мачихꙋ.

Приключилось, що занедꙋгла была Ꙗдела на шкарлатинꙋ, ôтъ неи же и на брата еи перешла недꙋга. День и нôчъ дозирала ихъ съ великою печаливостью мачиха. Но присꙋжено было свыше, хотѧ лѣкарѣ старались по всѣй возможности; дабы бѣдный хлопакъ оупокоилсѧ. Въ тое же самое времѧ Ꙗдела лежала въ горѧчцѣ. Ꙗкъ обыкновенно недꙋжны въ такôмъ состоѧнїю, такъ и она начала плести дꙋрачества, междꙋ прочими обвинѧла мачихꙋ, що она познамѣривае оутроити или оудꙋшити ею. Когда опамѧталась и о смерти брата своего оуслышала, не могла долгое времѧ отвлитисѧ ôтъ плача, и рыдаючи прозывала мачихꙋ оубїйницею рôдного братчика еи. Легко возможно изобразити собѣ, ꙗкаѧ болѣзнь овладѣла сердце мачихи, когда такимъ бесѣдамъ внимала. Нагоднлось, що печальное и сꙋмное лице нещастнои женщины, свернꙋло прибачнôсть мꙋжа. Вопрошенна о причинꙋ горести своеи, откровила всю страсть сердца своего. Господинъ Игнатїй рѣшилсѧ лично запобѣчи лихомꙋ.

Насамперед запретилъ прежнôй своей господинѣ приходъ въ свôй дôмъ и сношенїе съ своею дочерью. Послѣ приклúкалъ

самȣю дочерь и началъ строго изображати, гȣдити жестокость еи. Аделѧ казалась благоразȣмно принимати отеческїи ȣпомненїѧ и воистинно рѣшилась послѣ оннакшою быти. Но глȣбоко вкоренившаѧ сѧ ненависть нїѧкимъ дѣломъ не далась ȣсмирити.

Тогда ажъ присвѣдчилсѧ отецъ, що нѣтъ иного средства, ѧкъ только розлȣчити ȣпрямȣю дочь съ терпѣливою мачихою.

На ȣкоръ всѣмъ моленїѧмъ бабки и даже самои жены отослалъ Аделю въ престольный городъ. Шесть мѣсѧцей пребывала она въ мѣстѣ, но въ истеченїю того времени не ȣсмириласѧ еи ненависть. Зажелала посѣтити отцѧ кȣпно и обачитисѧ съ бабкою, когда полȣчила письмо съ тымъ извѣстїемъ, що Господь Богъ подарилъ ей малȣю сестрицю.

Аделѧ злостно вергнȣла листомъ о землю подȣмавши собѣ: Богдай короткїй вѣкъ ей! . . такъ минȣло два или три тыжднѣ. Аделѧ не полȣчила сновь листа изъ дома, когда неожиданно занеслосѧ извѣстїе, що народившаѧ сѧ еи сестрицѧ померла. Извѣстїе таковое возмȣтило напрасно сердце дѣвочки. Казалось ей, що она была поводомъ къ такомȣ несчастью, когда безбожно смертїю клѧла невинной дѣтинѣ. Тѧжкаѧ жȣрба сококȣпленна, ѧкъ то обыкновенно ȣ женского полѧ, перешла въ жестокȣю грижȣ и повалила Аделю въ опаснȣю недȣгȣ. Не медленно дали родичамъ знати. Но только отецъ могъ прїѣхати, ибо мачиха отъ жалости по своей дѣтинѣ, такожде запала была въ тѧжкȣю недȣгȣ. Аделѧ передъ всемъ желала видѣтисѧ съ мачихою. Потомȣ, когда подвиглась, ѧкъ бы съ призволенїемъ Божимъ тѧжкою недȣгою наказанна, ȣпознала она свою злость, свой грѣхъ и сокрȣшившись въ глȣбинѣ сердцѧ, рѣшилась ѧкъ найспѣшнѣйше отправитисѧ въ домъ родичей.

Было то лѣтною порою. По бѣломъ, копотѧщомъ отъ пороха гостиньци, котилсѧ возокъ; погоничъ перевакиривши капелюхъ, затиналъ конѣ що хвилѧ, а на возѣ, нетерпѣливо вертѣлась на всѣ стороны розкаѧннаѧ Аделѧ. Солнце палало; было скварно, що и вода съ чела потекала; но панночка не закрывала лицѧ, дабы не огорѣти. „Ей газдо! газдо! спѣшѣтъ но спѣшѣтъ!" молила тревожнымъ голосомъ, подвигаючись що хвилѧ и выглѧдаючи въ далечинȣ на передъ воза. „Хорошо! панночко хорошо! за часинкȣ — такъ мнѣ дай Боже . . . бȣдете дома," потѣшалъ ȣчтивый погоничъ. И не ошибнȣлсѧ. Поминȣли одное село, возокъ скотилсѧ изъ невеликого горба, а выглѧдающимъ очамъ панночки ѧвилось мѣсточко — ѧвилсѧ домъ пребыванїѧ родичей.

Заѣхали на подворье. Но чомȣжъ не ѧвилсѧ кто то на прїемъ панны, дочеры властителѧ дома? — Ни живаѧ дȣша не оказалась, но въ крȣгѣ дома ѧвилось такъ сȣмно, що тревожнаѧ Аделѧ съ бїющимъ сердцемъ стȣпала на отеческїи пороги. На самомъ порозѣ срѣтила лѣкарѧ выходѧщого изъ комнаты ȣмераюшои матери. Былъ то человѣкъ немилосердный; не внимаючи дȣшевномȣ состоѧнїю Аделѣ, откровилъ ей, що недȣжнаѧ даже вечера не дождае. Съ болѣзнею поскочила чимъ скорше въ комнатȣ матери, верглась ȣ постелѣ недȣжнои и сердцекрȣшительнымъ рыданїемъ молила о прощенїе.

Глȣбоко востхнȣла мачиха вытѧгнȣвши рȣки къ Адели и произрекши: Господи слава тобѣ, ȣснȣла сномъ вѣчнымъ.

*

* * *

— Оугадаешъ ли, вопросила по матерь хвили окончивши свой розказъ, кто была тая Адела? Дѣвочка позрѣла любопытно на матерь и стиснувши плечима, жарко зажелала откровенія.

— Тою Аделею никто иный только я сама была, отказала спокойно матерь.

Дочь изумѣлась; но розказъ матери отселѣ глубоко сокрывала въ сердци.

ЕМУ ЛИШЬ ЖИТИ БЫЛО!

Отъ такъ, край улицѣ стоялъ,
Съ пѣскомъ бѣдняка божій,
Го̂рько смотрѣлъ, окомъ жебралъ,
Милостинь у вельможей.

Стоялъ — ажъ ось розляли звукъ
Жалко церковны звоны,
Бѣднякъ пустилъ пѣсокъ изъ рукъ,
Сокрылъ лице въ долони.

„Гей! гей! чому то дѣесь такъ
„На то̂мъ то Божо̂мъ свѣтѣ?
„Я двигаю пѣсокъ бѣднякъ,
„А тотъ уснулъ на вѣки."

„Владыка — господи свягый! —
„Га! и емусь годило:
„Якій то свѣтъ нашъ есть пустый
„Ему лишь жити было! . . Е З.

КРАСОТА И ВЕЛИЧЕСТВЕННО̂СТЬ

Розсмотрѣвшися по сотворенныхъ вещахъ видимъ, що по всюда всемудрость не только хосенъ, но и красоту на цѣли имѣла. Красота есть оусовершеніемъ, есть короною всего сотворенія.

Привлекательно̂сть человѣческая есть такъ сильна ко красотѣ, якъ къ истинѣ и добродѣтели и насампередъ въ не̂мъ обявляеся. Въ прирожденно̂й привлекательности къ тому, що есть красное а къ неприклонности къ тому, що есть непріятное, положилъ Всевышній сотворитель основу всѣхъ нашихъ стремленій къ истинѣ и добродѣтели.

Оупознаніе того, що есть естественно красное, заро̂вно есть такъ трудное, якъ оупознаніе правды и добродѣтели; но тутъ говорится относительно о прирожденно̂й къ нему привлекательности. Дѣтина, оу которой розумъ дремае въ колыбели и не владѣе совершенно, чувствуе роскошъ когда дивится на краски или слышитъ звуки музыки, но только мелочны предметы могутъ занимати ю. И человѣкъ въ первоначалахъ любилъ больше яскравы барвы и вереклывы звуки нижели красоту, котора выобразованный оумъ и чувство занимае; но онъ постепенно долженъ былъ подвигатися. Красота пробудила въ не̂мъ насампередъ любопытно̂сть; тая же последная обучила его мыслити, подѣлывати, поправитися. Чимъ бо̂льше подвигалася изъ самой простой смысловости, тымъ крѣпчайше чувствовалъ приклонность окрашати, все якъ природа около себе. Свита пріодѣжнивающая тѣло его, сдѣлалась ему окрасою; простая засѣка въ захищеніе о̂тъ напади пожирающихъ звѣратъ, стала цвѣтущимъ огородомъ, а крѣпостное мѣстце числительного племени сдѣлалось величественнымъ мѣстомъ. Домашны нужности, зброя даже гайдамацкая, окрасою сдѣлались. Потому красота оу человѣка не только происходитъ отъ нужностей, но самая собою нужною сдѣлалась а въ человѣцѣ пробуждаеся творческая сила и чувство вкуса, которого крайною цѣлею становится нравственно̂сть. Оукрашаючи все къ округъ себе, свою поверхно̂сть, зажелалъ о̂нъ и себе яко нравственное естество оукраситы. Немедленно воз-

движенїе дикои радости замѣнилъ ôнъ на танець и пѣнїе, почѐмъ тактꙋ началъ послѣдовати и красотꙋ порѧдка, сорозмѣрности чꙋвствота.

Въ загалѣ совокꙋпила природа красотꙋ съ всемъ тымъ що есть благое, а毫 ломꙋ отражающїй видъ определила (ибо поокремѣшны изъѧтїѧ не возможно принимати за основꙋ). Отравительны зѣлѧ и нетворы напѧтновала она оужасным для человѣка видомъ; змїи и крокодылѣ съ оужасают очи, хотѧ бы и природа ихъ была намъ неизвѣстна. Птицѧмъ жерливымъ, жїющимъ по одѧмъ или съ водами, запретила пѣнїе ибо тамъ не слышитъ ихъ человѣкъ. Солодкїй и благовонѧщôй помаранчи, ꙗкїй то хорошїй видъ дала, ꙗкъ оублагороднила поставꙋ оленѧ и конѧ, ꙗкїй то премилїй голосъ и перцѧ определила веселѧщимъ свѣтъ птицѧмъ!

Человѣкъ есть превосходнымъ дѣломъ по своêмъ составѣ; ꙗвно ꙗкъ природа печалиласъ сдѣлати его составъ достойнымъ пребыванїѧ дꙋши. Око есть найпервшою его красотою и въ немъ потомꙋ мы видимъ зеркало его мыслїй и чꙋвствъ. Про тое, ꙗкъ нѣтъ красчого ôтъ ока полного жизни, погоды и благородности; такъ нѣтъ отразительнѣйшого ôтъ тогожъ въ злости, облꙋканїю а тымъ больше въ мертвôмъ тѣлѣ.

Кажесѧ що природа, определѧючи человѣкови нѣкꙋю волю, больше его розꙋмови нижели чꙋвствамъ завѣрила. (п. с.)

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

Страшенное во истинꙋ есть тое зрѣлище въ природѣ, если êй житїе тревожитсѧ, и изъ лона цвѣтꙋщои роскоши грозѧща погибель и сꙋмна тоска повстае, если на небесно̂мъ сводѣ тꙋчи, громы и орканы въ дивно̂мъ ладѣ препираютсѧ: но далеко страшеннѣйша есть таѧ сцена, коли человѣческое общество при домашно̂мъ нерѧдѣнїю границѣ права и истины перестꙋпае, и въ звѣрѧчихъ похотахъ божественный и человѣческїй законъ блꙋдными ногами топтае! Такъ то дѣе сѧ! Не всегда ꙗснѣе прекрасное солнце своими золотистыми, оживлѧющими барвами, не всегда носитъ сѧ по̂дъ нами сребристый облакъ, — часомъ бо помрачитсѧ любое солнечко въ страшно̂мъ видѣ, — а въ лонѣ сребристого облачка выродитъ сѧ часомъ смертоносный гро̂мъ, который свѣтъ въ страхъ и въ оудивленїе вводитъ. Есть то неоспоримое presвѣдченїе, що ôтъ самыхъ начатко̂въ человѣческого пребыванїѧ тꙋ на земли, волѧ всѣхъ смертнико̂въ правдивомꙋ внꙋтренномꙋ познанїю операла сѧ и не была готовою всегда по прикладꙋ Геркꙋлеса съ могꙋчимъ львомъ боротисѧ. Неразъ приключилосѧ, що плотскїи похоти сильнѣйше дѣлали, нежели всѣ воззыванѧ до правдивои цѣли человѣческого достоинства. — Но всѣ тїи самовольствїѧ были только изъѧтїѧ ôтъ общого правила, — ôтъ того правила, которое никогда ôтъ человѣка неôтлꙋчае сѧ и которое вже надъ колыскою рода нашого ꙗкъ ꙗкїй благїй генїй возносилосѧ! —

Такъ, цѣлый свѣтъ долженъ признати, що оуже ôтъ матери — природы въ сердцѧ наши вложенно есть, лꙋчшомꙋ познанїю противо положныхъ мнѣнїй послѣдовати. Мы ибо всѣ высысаемъ съ матернымъ молокомъ тое наше непоборимое стремленїе къ вышимъ идеѧмъ и благороднымъ правиламъ истин-

ного достоинства. Въ той хвилѣ оуже, коли мы кое такое познанїе о Божомъ свѣтѣ маемъ, будится въ насъ жажда врожденна, щобы правду въ нашемъ сердци глубше закоренити. Погланемъ только оуважно по кругу земномъ, и пресвѣдчимъ ся о тыхъ вѣчныхъ правдахъ. —

Образованный Европейчикъ, прїймаючїй отъ самого дѣтинного вѣка въ гибку душу приличны науки, може истинно повеличати ся своимъ знанїемъ о Всевышномъ Бозѣ, о сердечныхъ обовязкахъ ко родичамъ и о подданности верховной власти.

Но если онъ все тїи ему врученны закони исполнае, то послѣдуе онъ больше впечатлѣнїямъ въ наукѣ отриманнымъ, нежели своему внутренному, природному пресвѣдченїю.

Иначе же маеся дѣло, если мы въ ины стороны перенесемся, где только матерь природа своихъ миленькихъ дѣтей плекае, где всяка наука на власныхъ досвѣдченьяхъ ограничае ся.

Чорный Индїанинъ блудитъ по отвѣчныхъ лѣсахъ межи неботичными скалами, но и онъ молится щиро до Бога, которого, мовь якимъ-то инстинктомъ знае, и плекае въ своихъ грудахъ часами такїи чувства, которы нїякїй образованный оуказати не возмогъ бы. — Горяче солнце зсылае съ самого зенита свои жгучїи лучи въ перпендикулярныхъ линїяхъ на головы дикихъ Негровъ Африканьскихъ, блудящихъ по безмѣрныхъ песковыхъ пустынахъ, но и тамъ не изгарикаютъ въ пламенѣючихъ сердцахъ дикарей благородны чувства. — Морякъ воспитанъ отъ самой дѣтинности посреди небезпечныхъ волнъ морскихъ, видѣвшїй не одну бурю, коли розгуканыи волваны и корабль и людей до дна страшенного погружаютъ, — не лишаеся своего внутренного достоинства, но стремитъ мовь то мимовольно къ правамъ природнымъ, написанымъ въ сердцахъ каждого человѣка. — И когда нибудь лишь око звернемъ пресвѣдчимся, що николи згладити не можна тїи высшїи чувства припоминнаючїи на общїи законы человѣчества, которы то законы отъ востока до запада по всей земли въ всей своей прелести царствуютъ. Що больше, человѣкъ единственный, отлучившїй ся отъ общества, и зашедшїй где въ яку пустиню, не може николи до того степени дикости прїйти, дабы въ своимъ оуспособленїю отъ дикихъ звѣрятъ не розличилъ ся, но сохранае въ лонѣ своихъ чувствъ еще якую то искру благородности. —

Щобы отже тїи врожденны стремлѣнїя къ положительнымъ законамъ въ народахъ оутвердити и въ гармоническое оустроенїе ввести, дали благорозумны мужи оуже отъ найдавнѣйшихъ временъ своимъ соотечественникамъ соотвѣтны законы, могущїи имъ временну счастливость оубезпечити. —

И такъ наводимъ для лучшого обозрѣнїя права славнѣйшихъ древныхъ законодателей:

Законы второго Зороастра.

Время, безъ границь не сотворенно, есть творцемъ вселенной.

Слово было его дѣтиновъ, и оттуду походитъ Ормуздъ, богъ добрыхъ, и Ариманъ богъ злыхъ.

Моли ся съ чистотою мыслею, слова и дѣла.

Оучи доброе и злое оуже твоего пятилѣтного сына.

Законъ най поразитъ невдячного!

Най оумре сынъ, который три разы своего отца не послꙋшалъ.

Законъ най объявитъ невѣстꙋ яко нечистꙋ, котора вторый разъ за мꙋжъ иде.

На початкꙋ и конци года торжественый десять дней поста.

Презирай лꙋна.

Законы Индійскіи.

Вишнꙋ есть вселенною.

Ôнъ есть, що было; ôнъ есть, що есть; ôнъ есть, щобꙋде.

Почитай добродѣтель (цнотꙋ) для неи самои, и не ожидай овочей твоихъ дѣлъ.

Человѣче! бꙋдь мꙋдрымъ, и бꙋдешъ крѣпкимъ якъ 10.000 вельблюдôвъ.

Дꙋша есть Богомъ.

Законы Египетскіи.

Кнефъ, Богъ вселеннои есть непостижимою тайностію.

Бꙋдь добродѣтельнымъ, бо сꙋдіи надъ озеромъ розсꙋждаютъ по твоей смерти твои дѣла.

Жій оумѣренно.

Законы Миноса.

Не присягай при богахъ,

Молодый человѣче! не терзай право.

Право объявляе яко несчастного того, который жадного пріятеля не мае.

Прелюбодѣйница най бꙋде облеченна волною и проданною.

Законы Солона.

Дѣтина най оумре, котора опbститъ своего отца погребати, или его не боронитъ.

Святиня най бꙋде запертою для блꙋдницѣ.

Пяный сꙋдія най піе чашꙋ съ трꙋтизною.

Мꙋжъ безъ обычаѣвъ най не правитъ.

Первыи законы Рима.

Чти сꙋдьбꙋ опредѣленнꙋ.

Хованй вино для старцѣвъ.

Осꙋди на смерть селянина, который свои волы снѣдае.

Законы Галлôвъ и Дрꙋидôвъ.

Вселенна есть вѣчна, дꙋша безсмертна.

Борони твою матерь, ôтчинꙋ и землю.

Привлекай женꙋ къ порадѣ.

Чти чꙋжестраннника, и сохрани часть отъ жнива для него.

Безчестный най бꙋде погребенъ въ гной.

Чти старця, и молодець не може противъ него свѣдчити.

Хоробрый бꙋде по смерти надгороджѣнъ, а боязливый наказанъ.

Законы Пиѳагора

Почитай безсмертныхъ богôвъ, такъ якъ и законъ ихъ оузнае.

Почитай родичей.

Дѣлай тое, що твою память никогда не оскорбитъ.

Не предавайся прежде снꙋ, нежели три разы на день твою дꙋшꙋ о дневныхъ дѣлахъ не возпытаешъ. —

Пытай ся себе где бывалъ я? що дѣлалъ я? що повиненъ былъ дѣлати? Если такъ дѣлати бꙋдешъ, то пôйдешъ по святôмъ житію, коли твое тѣло въ порохъ перемѣнится, въ первыи вещественны начала яко нетлѣнный и неповрежденный, и тогда оуже бôльше не оумрешъ.

Такъ оучилъ Пиѳагорасъ, той славный любомꙋдрецъ старины. приближившійся своими честными законами такъ оудивительно къ истинѣ, — къ тôй то спасительнôй истинѣ, котора въ нашѣмъ божественнôмъ Законодателю Іисѵсѣ велепѣпнымъ и неизгасимымъ свѣтиломъ засіяла! — И истинно! тôлько въ неизслѣдимыхъ тайностяхъ человѣческои природы нꙋжно искати причинꙋ тои то неизгладимои жажды, щобы правдꙋ познати, и по

приличныхъ законахъ примѣрно жити! Святая истинно! кто возможе тебе въ твоихъ непонятныхъ судахъ изглубити! Кто зъ насъ осмѣлитъ ся въ предсѣнокъ твоеи таинственности внийти, и чашу твоеи святости къ скверныимъ оустамъ притулити! Твôй блескъ привлекае къ себѣ всѣхъ, даже и розличныхъ сынôвъ однои матери, и озаряе ихъ надземнымъ просвѣщенiемъ! . . .

Безъ сомнѣнiя должны мы сказати, що всѣ законы древнихъ любомудрцêвъ хотя они найславнѣйшiи были, колебали ся передъ бурливымъ влiянiемъ оскорбительныхъ обстоятельствъ, — трясли ся даже предъ легонькимъ дыханiемъ непрiязного замѣшательства, а то для того, бо не мали правдивои підставы и непоколибимого оутверденiя, но опиралисЬ только на догаданiяхъ и приближенiю къ истинѣ! И такъ явилось непоборимое оубезпеченiе взглядомъ тои загадки нашого религiйного и гражданьского общество-ванiя съ пришествiемъ Евангелскои истины, оутвержденнои на предвѣчнôмъ основанiю откровенiя! — Евангелская истина просвѣтила тьму суеверiя и мрачного заблужденiя, и съ страхомъ оубѣгали вонъ всѣ мары и чудовища старинного идолослуженiя! —

Тамъ то истина блестае своимъ божественнымъ свѣтломъ якъ однородная дѣтина самого Божества, и топтае своею святою стопою всѣ скверныи гаданiя давного воображенiя. На тôй истинѣ опираютъ ся всѣ законы новѣйшихъ законодателей, — тiи законы, которыхъ генiй есть любовь и человѣколюбiе. Красна есть воистинну оутренна зора, коли тьма препирает ся съ первыми лучами солнечными, но велелѣпный и благотворительный есть видъ всесвѣтлого солнца, оживляющого цѣлу природу любымъ дыханiемъ! Такъ красны и полезны были законы Солона, Пифагора и прочихъ законодателей и любомудрцей; но чижъ возмогутъ они противо стати божественнымъ истинамъ святѣйшого законодателя? — Никогда! нашое досвѣдченiе и цѣла исторiя пресвѣдчаютъ насъ, якъ слабая есть паралелла человѣческихъ вѣжествъ съ откровенною истинною!

Минули вѣки мовъ вѣтръ непостоянный, законы древны изчезли якъ сонъ, только евангелская правда стоитъ неподвижимо, на своêмъ основанiю и подае новѣйшимъ законамъ державнымъ постоянность и достойну важность. — Такъ и въ нашêмъ родимомъ краю возникли изъ общои колыски истинного законодательства между иными правами такожъ и законы драгоцѣнны пôдъ именемъ „Руська Правда" — той то стародавный образецъ изъ мрачнои, таинственнои старины родимои, — образецъ начертанный такъ живыми барками законодательныхъ красокъ, которыхъ до ситости налюбоватися не можна. —

И якъ чудесный образъ Рафаела оумильны чувства въ насъ родитъ, такъ возбуждае въ насъ образъ давныхъ временъ неизловиму жажду, въ тôмъ непоборимôмъ дусѣ истинного познанiя почивати, и нимъ наслаждати ся! —

Емилiянъ съ Григорова.

Тvпомъ Института Ставропигiанского Редакторъ Николай Савчиньскiй.